

**НАУЧНАЯ
ОБОСНОВАННОСТЬ
УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЙ НОРМЫ
КАК УСЛОВИЯ
ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ
(ИЛИ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И ПРАКТИЧЕСКИЕ
ВОПРОСЫ
КЛАССИФИКАЦИИ
ФОРМ СОУЧАСТИЯ)**

Проблема классификации форм соучастия применительно к Общей части уголовного права является одной из дискуссионных. Этот вывод вытекает из анализа не только разных подходов исследователей к данному вопросу, но и законодательства.

Так, до 1995 года в учебниках по уголовному праву соучастие подразделялось на две формы: простое и сложное (хотя ряд исследователей допускал и иные его формы). Если проследить динамику изменений форм соучастия по законодательству Республики Казахстан, то можно отметить следующее. Например, Указ Президента РК, имеющий силу закона, от 17 марта 1995 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан» соучастие определял в трех формах:

- 1) группа лиц, совершившая преступление по предварительному сговору;
- 2) организованная группа;
- 3) преступное сообщество (ст. 17-1) [1].

Уголовный кодекс РК 1997 года предусматривал уже шесть его форм: 1) преступление, совершенное группой лиц; 2) преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору; 3) организованная группа; 4) преступное сообщество; 5) транснациональная организованная группа; 6) транснациональное преступное сообщество. Последние две формы, т.е. транснациональная организованная группа и транснациональное преступное сообщество были внедрены в уголовный кодекс в качестве дополнения.

Новый Уголовный кодекс РК от 3 июля 2014 года, отказываясь от понятия «формы соучастия в преступлении», в статье 31 соблюдая начальные две формы соучастия своим названием и определением, приводит третье обобщенное понятие «преступная группа». Часть 3 статьи 31 формулирует определение преступной группы следующим образом: «Преступление признается совершенным преступной группой, если оно совершено организованной группой, преступной организацией, преступным сообществом, транснациональной организованной группой, транснациональным преступным сообществом, террористической группой, экстремистской группой, бандой или незаконным военизированным формированием». В адрес

такого определения преступной группы можно высказать справедливые замечания. Во-первых, в этом тексте нет определения преступной группы. Здесь мы видим перечисление некоторых разновидностей организованной группы и преступного сообщества, предусмотренных статьями Особенной части УК. В данной части уголовного закона законодателю следовало бы учесть, что организованная группа, преступное сообщество и преступная организация по сравнению с остальными видами соучастия (например, бандитизм), являются обобщенными понятиями, и поэтому они в Особенной части УК образуют не специальную норму, а общую норму. Другими словами, организованная группа и преступное сообщество сами по себе не представляют состава преступления, они всегда сопровождаются другими преступлениями. Например, кража, совершенная организованной группой и т.д. Во-вторых, в Особенной части УК имеются и другие преступления, соответствующие разновидностям организованной группы, которые не учтены в статье 31 при формулировке определения преступной группы. Например, статья 302 «Организация или содержание притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов». Здесь можно заметить, что законодателю не нужно было заниматься перечислением разновидностей организованной группы и преступного сообщества, чтобы сформулировать определение преступной группы.

Возникает вопрос: точна и совершенна ли подобная классификация, предусмотренная в статье 31 УК РК, отвечает ли она критериям, разработанным теорией уголовного права?

Учитывая ранее проведенные исследования по данной проблеме, отметим, что классификация форм соучастия должна исходить из единого разграничивающего критерия, поскольку формы соучастия относятся к однотипному уголовно-правовому явлению и выводятся из общего понятия соучастия в преступлении, содержащегося в статье 27 УК. Приходится признать, что данное теоретическое требование в законе не соблюдено. Если формы, предусмотренные частями 1 и 2 ст. 31, различаются между собой по субъективному признаку, т.е. по наличию или отсутствию предварительного сговора, то преступная группа, предусмотренная ч. 3 ст. 31, от выше указанных форм соучастия отличается по наличию или отсутствию признака устойчивости. Аналогичное требование также не было соблюдено и в уголовном кодексе 1997 года, который формы

соучастия, предусмотренные частями 3 и 4, такие, как «организованная группа» и «преступное сообщество», различал по другим признакам, т.е. по категории и степени общественной опасности преступления и наличию или отсутствию структурности групп. Кроме того, следует отметить, что преступления, совершенные группой лиц без предварительного сговора и с предварительным сговором, различались бы от организованной группы и преступного сообщества совершенно по другому признаку, т.е. по признаку устойчивости. А что касается транснациональной организованной группы и транснационального преступного сообщества, то утвердительно можно говорить, что эти понятия в силу своего транснационального характера добавляют число разграничивающих признаков форм соучастия.

Следующим ущербным моментом статьи 31 является название статьи и, соответственно, название форм соучастия. В статье 31 все формы соучастия носят одно название – «группа»:

- группа лиц без предварительного сговора;
- группа лиц по предварительному сговору;
- преступная группа, которая представляет

собой организованную группу, преступное сообщество, террористическую группу, экстремистскую группу, банду, незаконное военизированное формирование.

Здесь, как видим, все формы соучастия в преступлении взяты в виде совершения преступления группой. В этом случае было бы логично снять общее название этого института – «соучастие» в преступлении.

С другой стороны, сами эти понятия – «соучастие» и «группа» – между собой тоже различаются, они не синонимичны. Исходя из объема их признаков и структуры, следует признать, что совершение преступления группой лиц представляет одну из форм соучастия. Поэтому нельзя было в уголовном законе, называя изначальную статью 27 «понятие соучастия в уголовном правонарушении», а все ее формы представлять в виде группы.

Ряд исследователей выделяет в качестве одной из форм соучастия так называемое «простое соучастие», или, как другие его называют, «соисполнительство», или группу, характеризующуюся полным или частичным выполнением объективных признаков состава преступления.

Например, П.Ф. Тельнов предлагает рассматривать соисполнительство как форму соучастия, определяя его как полное или частичное выполнение объективных признаков состава преступления [2, с. 113-115], Р.Р. Галиакбаров называет

главным объективным признаком группового преступления непосредственное его исполнение, т.е. полное или частичное выполнение объективных признаков состава преступления [3, с. 6].

Как видим из содержания статьи 31 УК РК, в перечень форм соучастия не включено соучастие, совершенное с исполнением различных ролей.

Следует отметить, что важным теоретическим и практическим требованием при классификации форм соучастия является подпадание преступлений, совершенных объединенными усилиями нескольких лиц, под одну из форм соучастия, что фактически не соблюдено в законодательстве. Если хотя бы одно преступление, совершенное совместным участием двух или более лиц, соответствуя понятию соучастия в преступлении, предусмотренного ст. 27, и не соответствует ни одному из форм соучастия, то содержание статьи 31 считается ущемленным. В дополнении к этому хочется сказать, что соучастие с распределением ролей возможно и при отсутствии предварительного сговора.

Приведем пример из судебно-следственной практики:

Ш-лов и М-син были признаны виновными в умышленном убийстве при следующих обстоятельствах. В ночь на 1 января эти лица, праздную встречу Нового года, распивали водку в квартире. Примерно в два часа ночи к ним пришел А-ев, проживавший в том же районе. Ш-лов, используя незначительный повод, предложил А-ву выйти на улицу и там стал его избивать. Началась обоюдная драка. М-син, выйдя на улицу и увидев, что Ш-лов не может справиться с А-вым, вытащил из своего кармана нож и передал его Ш-лову, который с помощью этого ножа убил А-ва [4].

Исходя из характера действия М-сина, определение формы соучастия в изложенном преступлении весьма затруднительно.

Действие М-сина не соответствует форме соучастия, предусмотренной частью 1 статьи 31, поскольку преступление не было совершено в составе группы, включающей в себя двух или более исполнителей, что является обязательным признаком этой формы.

Согласно части 2 статьи 28 УК, исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемос-

ти или других обстоятельств, предусмотренных Кодексом, а равно посредством использования лиц, совершивших деяние по неосторожности.

Из материалов дела следует, что Ш-лов и М-син совершили преступления не в группе, и тем более не в соисполнительстве. М-син по характеру своего действия облегчил обстоятельства совершения преступления Ш-ловым: предоставив Ш-лову орудие преступления, М-син содействовал совершению преступления, т.е. оказал Ш-лову пособническую услугу, что не соответствует форме соучастия, предусмотренной частью 2 статьи 31, поскольку она требует в качестве обязательного субъективного признака наличия предварительного сговора между участвовавшими в преступлении лицами, тогда как между Ш-ловым и М-синым такого сговора на совершение преступления не было. Вполне очевидно, что данное преступное деяние не было совершено и организованной группой или преступным сообществом, поскольку этим формам соучастия присуща «устойчивость» – признак, отсутствующий в рассматриваемом случае.

Если преступление совершено с исполнением его участниками различных ролей, то, как правило, при квалификации их деяний на подстрекательские, пособнические действия требуется ссылка на соответствующие части статьи 28 УК.

Многие исследователи при квалификации действий соучастников предлагают ссылаться на норму Общей части УК, предусматривающую различные роли соучастников, кроме преступлений, совершенных в соисполнительстве (т.е. в составе группы, организованной группы, преступного сообщества) [5, с. 470-471], [6, с. 145-146], [2, с. 144-145]. Нынешняя формулировка статьи 31 полностью исключает такую возможность, поскольку, по общепринятому положению, за преступление, совершенное группой лиц, на статью 28, предусматривающую различные роли соучастия, ссылка не делается. Следовательно, исходя из содержания статьи 31, наличие статьи 28 в УК представляется чисто формальным, ибо как рабочая норма она не может объективно и эффективно применяться в судебно-следственной практике. Из вышесказанного видно, что содержание статьи 31 не охватывает соучастия с распределением различных ролей как самостоятельная форма соучастия, хотя в статье 28 рассматриваются соответствующие определения видов соучастников.

Соотношение понятий «соучастие в преступлении» и «совершение преступления группой

лиц» не учитывается не только Уголовным кодексом РК, но и другими подзаконными нормативными актами. Так, нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 года «О судебной практике по делам о хищениях» в пункте 8 приводит положение следующего содержания: «Хищение квалифицируется по признаку «группой лиц по предварительному сговору» и в тех случаях, когда для его совершения объединены общие условия двух или более лиц и действия каждого из соучастников являются необходимым условием для совершения действий других соучастников, согласно предварительному распределению ролей, и находятся в причинной связи с общим, наступившим от деятельности всех соучастников, преступным результатом. В таких случаях необязательно участие в преступлении двух или более исполнителей, достаточно одного исполнителя при наличии других видов соучастников» [7, с. 406]. Постановлением, далее предусматривая ответственность организатора, подстрекателя, пособника, рекомендует квалифицировать их действия соответствующей статьей Особенной части УК со ссылкой на статью 28, где рассматриваются понятия этих соучастников. Обращая внимание на это содержание постановления, можно заметить, что в нем рекомендуется квалифицировать преступление, совершенное в соучастии с распределением ролей, как совершение преступления группой лиц, с указанием пункта «а», ч. 2 статьи 175 (как кража, совершенная группой лиц по предварительному сговору – ныне ст. 188) и как соучастие с распределением ролей. При таком порядке квалификации получается, что одно совершенное преступление в соучастии соответствует одновременно двум формам, чего не допускает теория уголовного права.

Некоторые учебники, в том числе Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан, выпущенные в 2000 году, соучастие с распределением ролей признают как преступление, совершенное группой лиц по предварительному сговору [8, с. 78]. Видно, что данный учебник, не учитывая сущность понятия «группа», дает комментарий по смыслу: «соучастию с распределением ролей характерны предварительный сговор, поэтому такая форма соучастия соответствует совершению преступления группой лиц по предварительному сговору». Однако такое понимание противоречит вышеуказанному постановлению Верховного Суда.

Из судебной практики видно, что вышеупомянутое разъяснение Верховного суда не разделяется не только учеными, исследовавшими

вопросы соучастия в преступлении, но и некоторыми судебными решениями. Так, судом Р. признан виновным в совершении кражи из квартиры К. чужого имущества с проникновением в помещение, по предварительному сговору с Б., которая признана пособником.

Приговором Жаркинского районного суда Акмолинской области осуждены: Р. по ст. 175 ч. 2 п. п. «а, в» УК РК к 5 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима;

Б. по ст.ст. 28 ч. 5, 175 ч. 2 п.п. «а, в» УК РК к 2 годам лишения свободы условно.

Постановлением судебной коллегии по уголовным делам Акмолинского областного суда приговор суда оставлен без изменения.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан протест Генерального Прокурора РК удовлетворила, состоявшиеся судебные постановления в отношении Р. и Б. изменила и указала следующее:

«Как установлено по делу, кража совершена одним исполнителем – осужденным Р. В процессе изъятия имущества Б. участия не принимала, оказала содействие в виде пособничества.

По ст. 31 УК РК преступление не может быть признано совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в его совершении принимали участие один исполнитель и пособник.

В связи с чем квалифицирующий признак кражи, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 175 УК РК, – совершение преступления в группе лиц по предварительному сговору – вменен Р. и Б. необоснованно, подлежит исключению из их обвинения» [9, с. 10-11].

Такое положительное судебное решение было принято до издания вышеназванного нормативного постановления Верховного Суда РК. Как видим, изначально члены коллегии Верховного суда РК стояли на верной позиции, однако, по непонятным причинам это же ведомство приняло нормативные постановления с ошибочным положением. Причиной такого противоречия может быть некачественный уголовный закон, который не обеспечен научно обоснованными нормами и способен ввести практиков в заблуждение. Отсюда видно, что вся проблема находится в статье 31 Уголовного кодекса, где специально не предусмотрено соучастие с распределением ролей как самостоятельная форма соучастия, и эта ошибка закона отрицательно влияет на подзаконные нормативные акты и учебники по уголовному праву, а также судебную практику.

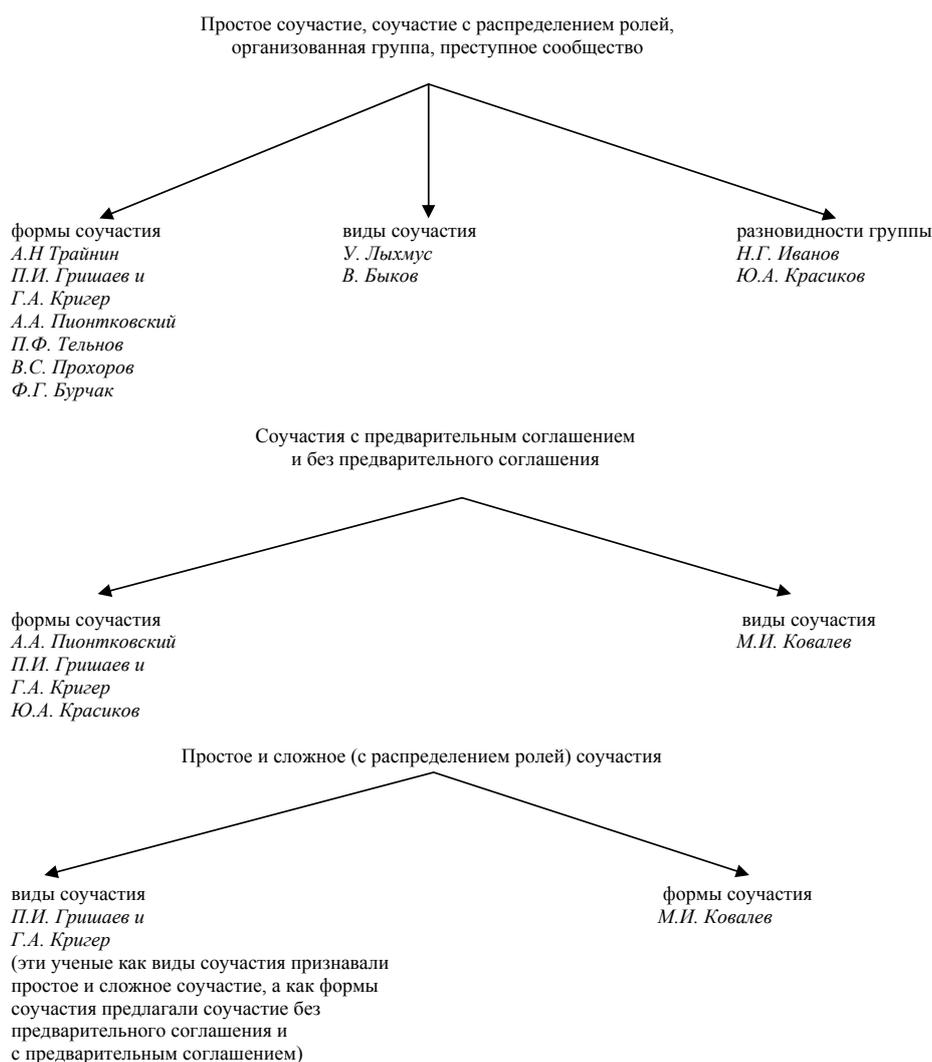
Следует сказать, что вышеуказанное деление форм соучастия, которое отражено в статье 31 УК РК, в Уголовный кодекс 1997 года было заимс-

твовано из Уголовного кодекса Российской Федерации. Статья 35 Уголовного Кодекса Российской Федерации предусматривает формы соучастия точно с такими же названиями и содержанием [10]. Одно можно отметить, что статья 35 УК РФ не носит названия «формы соучастия», в заголовке статьи УК РФ перечисляется название всех форм соучастия. Причина этого ясна, она должна быть связана с дискуссией ученых, исследовавших проблемы соучастия в преступлении. При этом одними учеными соучастие с предварительным соглашением и соучастие без предварительного соглашения относились к видам соучастия, а другими – к формам. Видимо, по этой причине новый уголовный кодекс РК, тоже отказываясь от понятия «формы соучастия», называет статью 31 «Уголовная ответственность за уголовные правонарушения, совершенные группой».

Нам хорошо известны источники, в которых прослеживается деление форм соучастия, ана-

логичное вышеназванной статье УК Российской Федерации и статье 31 УК РК 1997 года. Среди ученых, рассматривавших проблемы соучастия, П.И. Гришаев и Г.А. Кригер классифицируют формы соучастия по таким названиям и содержанию, какие отражены в уголовном законе. Эти ученые, различая формы и виды соучастия, в качестве его формы приводят соучастие без предварительного соглашения, соучастия с предварительным соглашением, организованную группу и преступное сообщество. А в качестве видов соучастия называют простое соучастие, где все соучастники являются соисполнителями преступления, и сложное соучастие, характеризующееся распределением ролей [11, с. 63].

Если наглядно представить позиции ученых по этому вопросу, то их оценка способов реализации преступного намерения двух и более лиц (формы соучастия) и классификация выглядят следующим образом:

Судя по этой классификации по формам и видам соучастия, можно заметить, что среди ученых нет единого мнения по этому вопросу. По нашему исследованию, вышеприведенные предложения ученых страдают от неучета преступлений, предусмотренных статьями Особенной части уголовного кодекса, соответствующих соучастию в преступлении, таких, как бандитизм, организация незаконного военизированного формирования, пиратство, организация и содержание притонов для употребления наркотических средств, массовые беспорядки, создание террористической организации и т. д. По нашему глубокому убеждению, эти преступления соответствуют общим понятиям соучастия в преступлениях, предусмотренных статьей 27 УК РК, и по своей природе эти преступления являются видами или разновидностями соучастия. Некоторым преступлениям по природе своей, как отметил в свое время С.В. Познышев, присуще соучастие в преступлении. Например, бунт, дуэль [12, с. 372]. Эти виды соучастия, представляющие самостоятельные составы преступления и предусмотренные в Особенной части уголовного закона, должны соответствовать одной из форм соучастия, предусмотренных статьей 31 УК РК. Причиной такого соответствия служит общность их характеристики, т.е. участие двух или более лиц, совместность их действий, единый умысел в отношении преступного результата. Кроме таких общих признаков, можно заметить еще признаки, которые раскрывают характеристику организованной группы и преступного сообщества. Многие вышеназванные преступления обладают признаком устойчивости, что дает основание отнести их к организованной преступной группе.

В адрес действующего уголовного законодательства часто высказываются замечания со стороны ученых. В частности С.М. Рахметов не случайно пишет, что «существуют различные направления борьбы с организованной преступностью, одним из них является совершенствование уголовного закона, имеющего свои недостатки» [13, с. 242].

Нельзя квалифицировать, как совершение преступления группой лиц и такого случая, когда в нем один из соучастников ограничивается выполнением роли организатора или подстрекателя, а остальные все являются исполнителями. В таком случае участие хотя бы одного лица в виде организатора или пособника меняет форму соучастия в сторону сложного соучастия. Смысл сложного соучастия заключается в том, что бы-

ло совершено преступление, и в нем участвовали лица, выполнявшие другие роли, кроме исполнителя. В общем вопросе классификации форм соучастия следует обязательно учитывать, что исходным значением или причиной появления в уголовном законе такого понятия, как «соучастие в преступлении», является тот факт, что было совершено преступление, и кто-то к этому преступлению причастен в виде уговорщика, пособника, и они должны быть наказаны.

Критически относясь к действующему уголовному законодательству, целесообразно привести свой вариант решения данной проблемы. В статье 31 УК РК должны найти свое отражение все обстоятельства совместной преступной деятельности двух или более лиц. Под всеми обстоятельствами совместной преступной деятельности двух или более лиц следует понимать формы соучастия, которые по смыслу представляют способы удовлетворения преступного намерения в виде соучастия в преступлении. Ими могут быть:

- совершение преступления группой лиц (или простое соучастие);
- совершение преступления с распределением ролей (или сложное соучастие);
- организованная группа;
- преступное сообщество.

Из этой классификации форм соучастия видно, что не учтены наличие или отсутствие предварительного сговора между соучастниками, поскольку совершение преступления группой лиц и совершение преступления с распределением ролей могут быть совершены без предварительного сговора и с предварительным сговором. Причиной отказа от использования предварительного сговора при классификации форм, на наш взгляд, является невозможность через эти признаки установить степень и характер общественной опасности преступления, а также правила квалификации преступлений. Например, убийство было совершено с предварительным сговором или без предварительного сговора, от этого степень общественной опасности преступления не меняется и, соответственно, не меняется ее квалификация. Однако следует учитывать, что некоторые главы и статьи УК РК требуют наличия предварительного сговора для признания действия, совершенного в соучастии. Например, глава «Уголовные правонарушения против собственности» предусматривает обязательность предварительного сговора. Такое требование уголовного закона связано с признаком «совместности совершения преступления в соучастии», которое

выражается наличием двухсторонней субъективной связи между соучастниками. Проще говоря, в преступлениях против собственности, как кража, грабеж и т.д., до начала совершения преступных действий должна быть предварительная договоренность. Отсутствие предварительного сговора до совершения преступления или наличия сговора после ее совершения не означает совместную преступную деятельность двух или более лиц, поскольку в таких случаях в действиях виновных отсутствует причинная связь по реализации общего преступного замысла, и, соответственно, совершение посягательства на чужую собственность в подобных обстоятельствах признается преступным действием лиц, совершенных по отдельности, хотя у них время, место, предмет совершения преступления были одинаковыми. В таком случае, если другое лицо присоединилось к краже в момент ее совершения, то его действие

должно квалифицироваться как кража, совершенная отдельным лицом. А если другие лица имели связь с уже оконченным преступлением, то их действия квалифицируются по статье 196 УК РК, как приобретение или сбыт имущества, добытого заведомо преступным путем, или по статье 363 УК, как укрывательство преступления. Обязательность предварительного сговора по некоторым преступлениям исходит из теории уголовного права, поэтому для грамотной правоприменительной работы необходимы качественно подготовленные учебники по уголовному праву или отдельное нормативное постановление Верховного Суда.

Проведенный нами анализ подтверждает, что в целях правильного и эффективного применения закона принятая уголовным кодексом классификация форм соучастия нуждается в совершенствовании.

Литература

- 1 Казахстанская правда. 1995, 18 марта.
- 2 Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М.: юридическая литература, 1974. –С. 113-145.
- 3 Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. –М.: юридическая литература, 1980. –С. 6.
- 4 Архивные материалы Верховного Суда Республики Казахстан. № 2 к 18/2-96.
- 5 Курс советского уголовного права. /Под ред. А.А. Пионтковского. Том 2. –М.: Госюриздат, 1970. –С. 470-471.
- 6 Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. –Киев: Наукова Думка, 1969. –С. 145-146.
- 7 Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Казахской ССР, Пленума Верховного Суда Республики Казахстан, нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан. –Алматы: Норма-К, 2005. –С.406.
- 8 Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. – Алматы: Жеті Жарғы, 2000. –С.78.
- 9 Судебная практика по уголовным делам Верховного Суда Республики Казахстан. – Астана: ЗАО «Би-Логистика», 2003. – С.10-11.
- 10 Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Эксмо, 2002.
- 11 Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. – М.: юр лит, 1959. –С.63.
- 12 Познышев С.В. Основные начала науки уголовного права. – М.: Московский императорский университет, 2012. – С. 372.
- 13 Рахметов С.М. Борьба с организованной преступностью в сфере правосудия. /Борьба с организованной преступностью. – Алматы: Баспа, 1996. –С. 242.

References

- 1 Kazakstanskaya pravda. 1995, 18 marta.
- 2 Telnov P.F. Otvetstvennost za souchastie v prestuplenii. – М.: yuridicheskaya literatura, 1974. –S.113-145.
- 3 aliakbarov R.R. Kvalifikatsiya gruppovuh prestuplenii. – М.: yuridicheskaya literatura 1980. –S.6.
- 4 rhivnue materialy Verhovnogo Suda Respubliki Kazakstan. № 2 к 18/2-96.
- 5 Kurs sovetskogo ugovolnogo prava. / Pod red. A.A. Piontkovskogo. Tom 2. – М.: Gosyurizdat, 1970. –S. 470-471.
- 6 Burchak F.G. Uchenie o souchasti po sovetskomu ugovolnomu pravu. – Kiev, 1969. –S.145-146
- 7 Sbornik postanavlenny Plenuma Verhovnogo Suda Kazahskoi SSR, Plenuma Verhovnogo Suda Respubliki, normativnyh postanovlenii Verhovnogo Suda Respubliki Kazakstan. – Almaty: Norma-K, 2005. – S.406.
- 8 ommentariy k Ugovolnomu kodeksu Respubliki Kazakstan. –Almaty,: Jetu Jargy 2000. –S.78
- 9 Sudebnaya praktika po ugovolnym delam Verhovnogo Suda Respubliki Kazakstan. – Astana: ZAO «Bi-Logistika», 2003. – S.10-11
- 10 golovnyi kodeks Rossiskoi Federatsi. –Moskva: Ekcmo, 2002.
- 11 rishaevP.I., Kriger G.A. Souchastie po sovetslomu ugovolnomu pravu. – М.: yur.lit.1959. –S.63.
- 12 Poznyshhev S.V. Osnovnye nachala nauki ugovolnogo. – М.: Moskovski imperatorski universitet, 2012. –S.372.
- 13 Rahmetov S.M. Borba s organizovannoi prestupnostyu v sfere pravosudiya. /Borba s organizovannoi. – Almaty: Baspa, 1996. –S. 242.